4050623

9631/5/2968

„Новый Восток"

Журнал

Научной Ассоциации
Востоковедения
Союза С С Р.

05/
Н-76

Под общей редакцией
М. Павловича.

„Nouvel Orient"

Revue de l'Association Russe
pour les Etudes Orientales
Rédacteur en chef
Michel Pavlovitch

1925 г.

Книга 10ая 11ая

Москва

Историческая библиотека

Е. ФЕДОРОВ.

1905 год и коренное население Туркестана.

1905 год глубоко затронул, привел в движение только русское население Туркестана, оставив в стороне массы декхан и ремесленников-туземцев. Лишь кое-где, напр., в гор. Старом Ташкенте, Казалинске, в Ауалиэ-Ате и в Джетысуйской (Семиреченской) области туземное купечество встрепенулось и откликнулось на события 1905 г. собраниями, вынесением резолюций и составлением петиций на имя гр. Витте, ген.-губернатора или царя. Это было национально-освободительное буржуазное движение коренного населения, принявшее новые формы, сравнительно с 1898 годом.

Весь аппарат туркестанской администрации был чрезвычайно чуток к малейшим политическим выступлениям узбек, киргиз или туркмен. Уже война с Японией заставила администрацию внимательно следить за настроением туземцев. Так, уездные начальники Самаркандской области, во исполнение секретного предложения Самарк. Обл. Правл. от 4/VII 1903 г. за № 252, еженедельно доносили в течение 1903 и 1904 года, что „за истекшую неделю настроение умов туземного населения вверенного уезда было спокойное“ (Фонд Самарк. Обл. Правл., № 27).

9-е января вновь заставило турк. ген.-губернатора прежде всего внимательно присмотреться к политическим настроениям не в среде рабочих, а среди туземного населения. И это вполне понятно. Русские, по переписи 1897 года, составляли едва 5% всего населения, жили преимущественно в городских центрах и лишь в Семиреченской области образовали сравнительно более густую массу в переселенческой русской и казачьей деревне. Как кучку людей, заброшенных в массу враждебного населения, рассматривает администрация русских. Она очень хорошо помнит восстание 1898 г. в Андижане, превосходно учитывает испуг русского населения после этого восстания. Когда началась октябрьская забастовка, с.-дарьинский военный губернатор, получив благословение начальника края, обращается „в предупреждение дальнейшего развития беспорядков“ „к благоразумию населения города и рабочих, прося их не забывать, что русскому населению, по его положению (разрядка моя. Е. Ф.) и задачам в крае, в особенности преступно обнаруживать свою рознь и распущенность“ (С.-Дар. Обл. Правл., отд. расп., ст. I, д. II/1905, лист. 79). Об этом же говорит

на собрании представителей всех ведомств ферганский губернатор Покотило 25 октября 1905 г. Он считает свою „власть после манифеста 17 октября сильнее прежней, ибо малейшее послабление может дать широкое поле для произвола и смуты". „Надо помнить,—заявил он,—что мы здесь небольшая горсть русских среди почти двух миллионов туземного населения" (доклад фер. губ. от 24/I 1906 г., № 94, ф. к. г.-г., д. 27, л. 33—37). Это не только агитационный прием против беспорядков. Правительство действительно больше всего боялось, чтобы революционная волна не захватила туземных масс. Чем дальше от населения стоит администрация по правительственной иерархии, тем этот страх сильнее. Пристава, близко соприкасающиеся через волостных старшин, баев и манапов с населением, совершенно спокойно доказывают в своих рапортах, что беспорядки никоим образом не могут проникнуть в гущу туземцев. Они в своих донесениях иногда обосновывают свои выводы чрезвычайно детальным анализом хозяйственно-экономического положения населения своего участка.

Гр. Витте в шифрованной телеграмме г.-губ-ру от 25 декабря 1905 г. говорит: „Я вам советую ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание" (разрядка моя. Е. Ф. Фонд. канц. г.-губ., д. № 18, стр. 148). К этому времени турк. г.-губернатор Сахаров уже совершенно выяснил настроение туземцев и поэтому в уверенных тонах отвечает шифром: „Не знаю, какие сведения имеет граф о Туркестане? Туземцы спокойны и держат себя вполне корректно. Введение военного положения пока не вызывается обстоятельствами"... (№ 1162, Фонд к. г.-г., д. 18, л. 150). Но в начале 1905 г., под влиянием нарастающего революционного движения в России, ген.-губ. был иного мнения. В циркуляре губернатора (№ 118—121) от 16 апреля 1905 г. он писал: „Среди киргизского населения замечается некоторое брожение, вызванное, очевидно, доходящими до них слухами противоправительственного характера"... (Ф. к. г.-г., д. 1, л. 61). „Агитация против государственного порядка и общественного спокойствия может иметь большой успех,—говорит воен. губ. Сыр-Дарьинской области в своем рапорте от 20 июня,—среди местного туземного населения, среди которого до сих пор есть лица, не могущие примириться с русским владычеством и питающие еще надежду на освобождение. Среди туземцев были уже попытки к подаче петиций об улучшении их быта; поэтому нельзя ручаться, что туземное население не считает настоящее трудное положение империи временем более благоприятным для осуществления своих вожделений" (Фонд к. г.—г., д. 8, л. 5—7).

В ответ на предложение ген.-губ. доносить о всяком „брожении умов" среди киргизского населения получен целый ряд успокаивающих

сообщений. Так, Ошский уездный начальник от 29 июня сообщает, что „почвы для агитации (среди киргиз), обычно усиливающейся при каком-либо народном бедствии, нет: урожай хлебных злаков и трав хороший, весеннего падежа скота от недостатка корма и гололедицы не было, поводов к какому-либо массовому озлоблению не имеется" (Ф. к. г.-г. д. 1, л. 155). 16 декабря 1905 г. ферганский губернатор Покотилло телеграфирует, что настроение русского и туземного населения вполне удовлетворительно, стачка ж.-д. служащих разоряет туземцев, подрывает их веру русской власти (Ф. к. г.-г. д. 22, л. 7), а позднее 11 января 1906 г. (рапорт № 5) сообщает, что пока нет поводов подозревать присутствие среди туземного населения агитаторов с целью возбуждения туземцев против правительства (Ф. к. г.-г., д. 22).

Военный губернатор Сыр-Дарьинской области писал туркест. участк. приставу (за № 90): „До сведения моего дошло, что... в (Туркест. прист. участке) среди киргиз замечается некоторое брожение, вызванное якобы недовольством существующими порядками. Некоторые из кочевников выражают будто бы свое настроение угрозами по адресу русского населения. Рядом с этим из другого источника мною получены сведения о постоянном ввозе в Туркестанский участок огнестрельного оружия под видом товара. Оружие это продается киргизскому населению. Не придавая пока серьезного значения подобным слухам"... он все-таки предлагает произвести расследование (С.-Дар. Обл. Прав., отд. рап. ст. 1, д. 2/1905 г., лист. 76). Пристав отвечает начальнику Чимкентского уезда: „Ко мне не поступало ни одного заявления от русских о недружелюбном отношении к ним туземцев... ничего похожего на какое-либо брожение, вызываемое недовольством существующим порядком не замечал" (там же, лист 80—81). Но вместе с тем петиции, собрания, выборы делегаций и даже сведения (хотя и непроверенные) о вооружении туземцев продолжают чрезвычайно беспокоить администрацию. Так, политический агент в Бухаре Рось от 27 июля 1905 г. сообщает военному г-ру Сыр-Дар. области (№ 190): „По дошедшим до меня слухам, сарты из Самарканда, Ферганы и Ташкента покупают в Стар. Бухаре револьверы и ружья, которые увозят с собою. В Самарканде будто бы нет дома, в коем не было бы ружей и револьверов" (там же, д. 150). В апреле того же года нач. Андижанского уезда сообщает военному г-ру Ферганской обл.: „За последнее время в г. Андижане ходят слухи, что якобы ташкентские татары, руководимые своими людьми, собрались подать государю императору петицию, в которой будут просить о назначении в Туркестанский край ген.-губ-ра, губернаторов и уездных начальников из мусульман, имеющих образовательный ценз". „На подачу петиции выбрана якобы депутация из 8 человек, на расходы по поездке которой назначено шесть тысяч рублей. Деньги уже собираются в Ташкенте и Самарканде". „У мусульман отобраны вакуфы, они обоброчены

слишком высоко, правительство не входит в их нужды, поступает несправедливо" — вот главные якобы побуждения к петиции./ „Мусульманское население все это сознавало, но надо было молчать и пережить. Теперь же пришло время, что татары просили благословения у турецкого султана на подачу петиции, который одобрил это и советовал в случае неудачи домогаться силой. Для проведения всего дела избраны татары, более даровитые и развитые" (там же, лист 112). Однако, начальник г. Ташкента Караульщиков от 4 мая за № 94/2622 извещает с.-дарьинского в. губернатора: „Скорее всего и вернее, что в Андижане пошли толки и разные слухи... по поводу той петиции, которую предполагали послать ташкентские сарты"... (там же, лист 115—118)./ Историю этой петиции Караульщиков рассказывает в докладе от 19 января 1906 г.: „Помещенные в начале минувшего года (т. е. в 1905 г.) в газете „Тарджиман", издаваемой в Бахчисарае, разные заметки о брожении русских и мусульман в пределах России, а также „петиция" казанских татар на имя председателя Комитета Министров вызвали брожение среди туземцев г. Ташкента, которые в числе 10—15 чел. в марте мес., одобрили составленную жителем Кукчинской части Садык-Ходжаевым применительно к местным условиям петицию и представили мне... Не получив никакого официального ответа, туземцы начали собираться для обсуждения намеченных в петиции просьб в разных местах, и 26 апреля такое сборище было обнаружено мною на даче сарта, на сборище этом были сарты. Они, как выяснилось, советовались подать прошение на высочайшее имя с просьбой даровать им разные льготы; просьбы эти о льготах они основывали на повсеместных ходатайствах о нуждах населения, якобы удовлетворяемых правительством. После угрозы арестом и вызова всех участников совещаний к нач. города, — собрания прекратились" (с. д. Обл. Прав., отд. расп., ст. 1, д. 13/1905 г., лист 92—93).

Несомненно, что более заметных проявлений, чем эти собрания узбек в г. Старом Ташкенте или слухи и толки в Андижане, не было до октябрьских событий, ибо администрация гораздо внимательнее следила за настроением туземных масс, чем русских рабочих и интеллигенции, и не могла пропустить другого случая проявления анти-правительственного настроения среди узбек, киргиз или туркмен. Тем не менее, Сахаров чрезвычайно беспокоится и всю опасность видит не в самодавлеющем значении забастовочного и революционного движения русских рабочих или интеллигенции, а в том, что это движение найдет тот или иной отклик в среде туземных масс./10 октября 1905 г. Сахаров пишет Трепову: „За последнее время замечается значительное усиление в Туркестанском крае революционных элементов... Нужно опасаться, что у туземцев явится сомнение в силе русской власти, если они воочию будут убеждаться, что мы совершенно бессильны бороться с горстью

мальчишек, которые игнорируют и администрацию и полицию. От такого сомнения один шаг до колебаний и, быть может, до массовых вспышек туземного населения, среди которого всегда имеются фанатики, ожидающие лишь удобного случая, чтобы повторить Андижанские события 1898 г." (Фонд канц. г.г., д. № 17, стр. 3—4). Но опасения Сахарова оказались совершенно неосновательны, в чем он убедился во время событий в октябре и ноябре мес. Уже тот факт, что узбеки Старого города так скоро успокоились после угрозы арестом, показывает, что настроения их не имели глубоких корней, а были вызваны надеждами на легкий успех.

В самом деле, что из себя представляет туземное население Туркестана? По данным переписи 1923 года можно судить без большой ошибки о составе населения городов Туркестана в 1905 г. В городах Туркестана живут лишь узбеки, таджики и русские. Киргизы — казаки и кара — преимущественно в аулах, туркмены — исключительно вне городов. Больше $^1/_2$ городских жителей (60,3%) сосредоточено в г. г. Фергане, Ташкенте, Каунчи, Пскент, Мирза-Чуль, в гор. Чимкентского у. и г. Ходженте. Среди городского населения Ферганской и Сыр-Дарьинской областей преобладают узбеки (82,7% и 58,1%); русские (7,6% и 25,5%); Самаркандской — таджики (58,7%), узбеки (18,2%) и русские (10,4%); Джетысуйской — русские, в Туркменской—почти все городское население состоит из русских, армян и персов, в Аму-Дарьинской — из кара-калпаков, узбеков, киргиз и русских (И. Магидович. Отчет о деятельности СНК 1922 г., стр. 57).

Нас сейчас интересует состав городов, где имеют преобладание туземцы. Преобладающее занятие жителей городов дает нам некоторое основание для характеристики классового состава этих городов.

„В Сыр-Дарьинской области встречаются самые разнообразные типы городских поселений,— говорит И. Магидович в статье „Классовый и профессиональный состав городского населения Туркреспублики в 1923 г." (Статистическ. Ежегодник за 1923 г.— приложение).

„В Ташкенте почти равномерно представлены все важнейшие отрасли труда, но даже здесь более 15% жителей заняты в сельском хозяйстве. При этом Старый Ташкент имеет характер земледельческого и промышленного центра".

„Есть города и городские поселения, которые почти ничем не отличаются (кроме размеров) от крупных кишлаков. Таков уездный город Туркестан; таковы поселения городского типа: Пскент, Мерке, Кара-Булак, Сайрам, Сузак. Даже в таком крупном торгово-промышленном центре, как Чимкент, сельским хозяйством занято около трети городских жителей. В двух уездных центрах Ак-Мечети (Перовск) и Казалинске лица, занятые в сельском хозяйстве, составляют относительное большинство — около $^1/_2$ городских жителей, но сильно представлена государственная служба и торговля".

„В Самаркандской области преимущественно земледельческий характер имеют три города: Джизак, Катта-Курган и Ура-Тюбе".

„В Ходженте относительным большинством являются лица, занятые в промышленности".

„Население Самарканда имеет смешанный характер. Все основные отрасли там представлены очень сильно, и ни одна группа не преобладает заметно над другой".

„Из городов Ферганской области, в четырех — Чусте, Оше и особенно Узгене и Джелял-Абаде преобладают земледельцы, при чем в двух последних они имеют численный перевес над всеми остальными группами занятий, вместе взятыми. Сравнительно много их и в Андижане; но в этом последнем зарегистрировано только относительное (и при том незначительное) большинство лиц, занятых в сельском хозяйстве, около трети жителей, при чем почти столько же занято и в промышленности. В других городах области, сельское хозяйство также заметно представлено, но уступает по значению промышленности. Чисто промысловый характер имеют поселки Санто, Кизил-Кия и Чиликен".

„Крупнейшими промышленными центрами, если судить по числу лиц, занятых в промышленности, являются Андижан, Старый Маргелан и Наманган".

„Коканд стоит в этом отношении только на четвертом месте. Зато очень велико его торговое значение и роль, как административного центра самой многолюдной области"...

Эта характеристика городов Туркестана в основе остается верной и для 1905 года, так как значительные, более или менее, изменения коснулись лишь хлопкоочистительной промышленности.

В довоенное время (1913 г.) „без хлопковой промышленности продукция кустарной являлась в итоге равной, даже несколько выше, всей остальной фабрично-заводской промышленности с некоторыми отклонениями от этого по разным отраслям промышленности" (Г. Н. Шкалина. Промышленность. Статистич. Ежегодник 1917—1923 г., Ташкент, 1924 г., том II, стр. 46).

В фабрично-заводских заведениях, по данным анкеты 1914 года, в Ферганской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях было занято 18.914 человек. При этом из общего числа 18.914 рабочих, рабочие на хлопкоочистительных заводах составляли 7.626. Мы не должны забывать, что рабочего на хлопкоочистительных заводах, где в среднем на завод приходится 34,6 человек, нельзя рассматривать, как рабочего в крупном промышленном предприятии. Это, во-первых, рабочие, выполняющие черную работу, благодаря дешевизне рук не замененную машиной. Следовательно, это мало-культурные рабочие, не порвавшие свои бытовые связи с общей массой мелко-буржуазного, ремесленного и сельского населения, задавленного влиянием духовенства. Во-вторых, это сезонные рабочие,

не занятые на заводе круглый год, следовательно, не порвавшие свои хозяйственные связи с ремеслом или сельским хозяйством.

В предприятиях по обработке питательных веществ (второе место по значению для Туркестанской промышленности — 226 заведений) и по обработке животных продуктов (3-е место — 194 заведения, куда входят и кожевенные заводы) рабочие также мало чем отличаются от ремесленника-кустаря, как по количеству рабочих в предприятии, так и по технике этих предприятий. Только маслобойные заводы имеют иногда до сотни и больше рабочих, кожевенные насчитывают от 4 до 25 человек (напр., по переписи 1920 года по Самаркандской обл. материалы Всеросс. переписи 1920 года, вып. V. Список промышленных завед. Самаркандской обл.).

Как мы видим, значительная часть горожан в Туркестане занимается сельским хозяйством. Земледелие же в Туркестане также по преимуществу—мелкое хозяйство. Безземельные хозяйства у оседлых туземцев составляют 3,7%, беспосевные—14,8%. По данным переписи 1917 г., в Туркестане % хозяйств, владеющих землей от $^1/_6$ до 1 десятины на поливно-богарных землях равен—38,4, а на поливных—43,9. Владеющих от 1 до 5 дес. на поливных-богарных—41,4%, на посевных—43%; от 5 до 15 дес. на пол.-богарных—15,8%, на посевных 11,1%, свыше 15 на полив.-богарн.—4,4%, на посевн.—1,9% [1]). При чем мелкие хозяйства затянуты тугой петлей задолженности. По опросу в 1909 г. 793 хозяйств, имеющих от $^1/_2$ десятины до 3 десятин, 54% оказались с задолженностью в среднем в 229 р. 50 к., т.-е. все хозяйства имели долг в среднем 107 р. 41 к. на хозяйство [2]). В 1903 г. у казиев Ферганской области было совершено сделок: по васихам [3]) 76.819, на сумму 6.800.817 руб., и под залог имущества 53.105, на сумму 5.962.948 руб., а всего 129.924 хозяйства на сумму 12.763.765 руб. Сделки эти заключались, разумеется, с начислением «нормальных» азиатских лихвенных %%. „Если представить себе, что в 1903 году в Ферганской области было всего 338.000 хозяйств, значит, из них около 50% были почти безвозвратно закабалены через казиев. Если же принять во внимание вексельную и нотариальную задолженность, да массу сделок, проведенных без казиев, то прямо можно сказать, что в 1903 г. половина декханов были закабалены, состоя в неоплатных должниках“ [4]).

Кроме того, система испольщины в Туркестане господствует и представляет собою наиболее тяжелую форму эксплоатации. Еще в 1894 г.

---

[1]) Г. Н. Шкалина. Статистич. Ежегодник, т. II, стр. 29.

[2]) „Хозяйство сартов Ферганской области“. Ташк. 1911 г., беру из сборника „Борьба за хлопок“, М. 1918 г., И. А. Севастьянов, стр. 53.

[3]) Туземная земельная закладная.

[4]) Там же, стр. 55.

М. Вирский [1]), в обзоре хлопководства в Самаркандской области, так описывал эту систему: „Крупные спекулянты-туземцы, не занимаясь сами хлопководством, но владея значительным количеством ирригационной земли, раздают последнюю мелкими участками от ½ до 1 десятины исполу малоземельным сельским хозяйствам с условием, чтобы весь урожай хлопка был доставлен им, владельцам, а они уплачивают использщикам за половину по продаже сырца на базаре". Эта система носит название чайрикерства.

Такое же закабаление хлопкороба производится путем кредита. «Лодзинские и московские текстильно-промышленные фирмы еще с 80 годов пустили в ход систему выдачи населению задатков под хлопок. Система эта заключается в следующем: осенью фабриканты раздавали деньги крупным скупщикам хлопка, те отдавали их мелким, последние — декханам рубля по 4 за танап с тем условием, чтобы весь урожай переходил к ним по цене более дешевой, чем существовала на рынке. Эта система, называемая «бунак», страшно эксплоатировала декхан"... [2])

Еще более возмутительные операции развились уже в XX веке. Суть этих операций такова: декханину самой ранней весной выдавали ссуды частью деньгами под «нормальные» проценты, главным же образом,— негодными товарами, притом указывали лиц, которые эти товары у декхан купят, например, в кишлаке Аим какой-нибудь Турсунбай. Действительно, Турсунбай покупал эти негодные товары за полцены и уже сам выдавал по удвоенной или утроенной цене другим декханам также в виде ссуды, направляя их к первоначальным «артистам», как покупателям и т. д. Столь «идеальный» товарообмен совершался всюду» [3]).

Вот более подробное описание всей «кредитной» операции, данное И. А. Севастьяновым: «Задаток декхан получает обычно по рекомендации комиссионера, в свою очередь получающего за то по 5 коп. с пуда как с фирмы, так и с хлопкороба, в особенности с последнего, если он сильно нуждается, уже должен какой-либо фирме или «благодетелю». Вексель пишется на всю сумму ссуды, но выдается она частями, при чем всякий раз при всякой выдаче дехкан платит либо комиссионеру, либо мелкому служащему фирмы»...

«Когда хлопок-сырец собран, дехкан сдает его или «арбакешу», или везет на «пункт». Арбакеш—это просто человек, имеющий арбу, лошадь, знакомого «пунктового» и некоторый кредит. Он имеет, впрочем, еще один чрезвычайный инструмент—примитивные весы, где гири заменены

[1]) М. Вирский. Обзор хлопководства в Самаркандской обл. за 1893—1894 г., цитирую по М. Покровскому. Дипломатия и войны царской России в XIX в., стр. 342.

[2]) Г. Н. Шкалина. „Статистич. Ежегодник", т. II, стр. 32.

[3]) „Борьба за хлопок" Севастьянов, стр. 32.

камнями. Такой арбакеш—артист по части самого наглого обвешивания: ведь, разница в весе и в цене является его чистым „заработком". „Не лучше, а еще хуже дело обстоит на „пункте". Здесь, правда, уже десятичные весы, особенно не любимые туземцами, но „ловкость" пунктовых приказчиков буквально не поддается описанию. Размеры результатов ловкости являются „заработком" пунктового. Подчас сырец для заманивания декхана покупается на пункте дороже, чем на заводе. Так как для сырцевой покупки стандартов не существует, то у пунктового является и вторая сторона „заработка": он по своему усмотрению (конечно, всегда к невыгоде хлопкороба) определяет товар: 1) по цвету, 2) по степени засоренности, 3) по степени влажности, 4) по прочности (этого, между прочим, не делают приемщики в Москве). Если декхан, минуя арбакеша и пунктового, привезет сырец прямо на завод, там его встретит приемщик и обработает ничуть не хуже пунктового, особенно на бонитировке. Допустим, декхан не согласен продать по данной расценке товар, все равно увести его с завода ему не удастся: ведь, при получении аванса он обязался уплатить за каждый пуд несданного товара неустойку. Значит, декхан или платит неустойку, или теряет при „продаже" 20—25% урожая. Крупные фирмы, которые даже и не нуждались бы в подобной системе, не могли обходиться без всех этих „формальностей", ибо при бешеной конкуренции им нужны были все эти скупщики и уловители товара...; все эти служащие заводов являются „пролетариатом" хлопкоочистительной промышленности Туркестана" [1]).

Покровительственная таможенная политика, установленная правительством на ввозный хлопок, нисколько не улучшала положения.

В январе 1903 г. установлен размер пошлины 4 руб. серебром с пуда. Цены на туркестанский хлопок стояли соответственно выше, чем они были бы при свободном ввозе хлопка. Эта разница, как мы видели, попадала в руки „арбакешей", пунктовых, приемщиков на заводах, баям, и прочим живоглотам.

То же самое получалось и с другими привилегиями развитию хлопководства, которые создавало правительство. Таково покровительственное поземельно-податное обложение. Хлопок в поземельно-податном обложении был исключен из числа преобладающих культур, и земли, засеянные хлопком, облагались по такой же доходности, как пшеница, джугара, люцерна, кукуруза и пр. менее доходные культуры.

„При этом вся налоговая тяжесть падала именно на самые мелкие хозяйства. Таблица показывает, что на 1 десятину падает платежей:

[1]) Сб. „Борьба за хлопок", И. А. Совастьянов, стр. 65—66.

Величина хозяйства в танапах.	Величина хозяйства в десятинах.	Платежи на 1 десятину в рублях.
2,86	1/3—1/2	8,64
8,15	1 1/3	8,52
16,77	2 2/3	8,04
36,02	6	6,96

Из этой таблицы совершенно ясно, что бедняк, имеющий менее 1/2 десятины земли, платит по 8 руб. 64 к. с десятины, а сельский бай, имеющий 6 десятин, платит из расчета 6 р. 96 к. с десятины. Получается, так сказать, обратно подоходный налог"...

Вот эта паутина, завитая вокруг дехкана Туркестана царского периода, не давала совершенно вздохнуть дехкану, не давала возможности даже ставить вопрос о борьбе за улучшение своего положения и, с другой стороны, крепкими узами связывала интересы бая с русским капиталом, русской администрацией.

Туркестанское мелкое земледелие есть, конечно, торговое земледелие, хлопок в Туркестане не играл в общей системе хозяйства края преобладающей роли: 77,8% всей посевной площади засеяно было в 1915 г. не под хлопок, а культурами других злаков [1]) и вывоз хлопка, однако, рос, вместе с тем возрастал и ввоз хлеба, и в 1908 г. этот ввоз составлял 8.307.000 пуд.

Кроме того, развилось довольно значительное садоводство в Сыр-Дарьинской области и виноградарство в Самаркандской области.

Все эти земледельческие культуры „означают интенсификацию земледелия, увеличение размеров хозяйства при уменьшении площади земли под ним и увеличение в пользовании наемным трудом" [2]). По обследованию 2.038 хозяйств в 1909 году оказалось, что 63% их пользуются наемным трудом.

Культурный уровень туркестанского дехкана 1905 года характеризуется тем, что по переписи 1920 г. было неграмотных: узбеков — 94,3%, таджиков 95,4%. По сравнению с русскими % грамотности узбеков в 6 раз ниже. „Район испольщины и в Америке и в России есть район наибольшего застоя, наибольшего приниженния и угнетения трудящихся масс", говорит т. Ленин.

Помимо „чайрикерства", „бунака", которые возможны только в условиях самых гнусных феодальных пережитков, темноты и невеже-

[1]) Сельхоз. обзор Турк. края за 1915 г. Изд. Перес. Упр., Ташк. 1915 г.; цит. по сборнику „Борьба за хлопок", Севастьянов, стр. 38.

[2]) Ленин, т. IX.

ства, громадную роль играла религиозная косность, воспитанная в течение нескольких столетий (с XIV века) в условиях феодального регресса, сменившего собою торговый век Средней Азии — XIII столетие, когда караваны верблюдов заменили водные пути, закрытые войнами на „Ближнем" Востоке. Для эпохи упадка наиболее характерным являлся класс духовенства, подчинивший своему влиянию, своей нормировке все стороны и общественной и личной жизни.

Ярким доказательством того, что ислам очень крепко всосался в организм его исповедующих, является прочность мусульманского духовенства.

В России „в то время как у русских один церковный приход приходится не менее, чем на 10—12 тысяч населения, у мусульман каждая мечеть приходится на 700—1.000 душ, при чем при каждой из них имеется не менее 3-х духовных лиц: мулла, его помощник и муэдзин (попамарь)"[1]). Ислам не имеет строго установленной и вполне организованной духовной иерархии. Каждый взрослый мусульманин, обладающий соответствующими качествами, может быть имамом (священник мечети), казием (судья), мударисом (учитель медресса), домуллой (учитель мектаба), муллой (ученик медресса).

Кроме мечетей, мектабов (низшая духовная школа) и медрессе, (высшая мусульманская школа), существует еще целый ряд учреждений, которые являются проводниками влияния на массы. Таковы даляиль-хана, где заучивают тексты на арабском языке (этих даляиль-хана немного); кары-хана, где заучивают наизусть коран; хадж — паломничество в Мекку, — каждый хаджи, посетивший Мекку, является видным проповедником фанатических предрассудков; муй-мубарак — башенка, где замурован волос из бороды пророка.

Шариат в числе своих правил имеет очень много таких, которые можно считать положительными. Например, отрицание частной собственности на землю, воды и леса, запрещение колдовства и др., но под влиянием духовенства периода упадка, шариат в Средней Азии играет исключительно консервативную роль.

Особенно влиятельным отклонением от шариата является учение суфизма, тасавуфа и суфистские ордена (сулюк). Тасавуфа не имеет ничего общего с исламом. Это пантеистическое учение. Влияние суфизма велико и до сих пор. В Средней Азии имеют распространение три суфийских ордена: накшбаидия, кадырия и календарей.

До последнего времени влияние ишанов через своих учеников — мюридов — и ордена календарей через каждого своего члена (дервиш) на

---

1) См. Вестник агитации и пропаганды, 1921 г., № 22—23, статья Султан-Галиева (терминология духовных лиц здесь употребляется татарская).

массы остается очень большим, несмотря на то, что в массах существует много анекдотов на их счет.

В 1905 году царское правительство в борьбе за влияние на мусульманские верхушки, а также в противовес начинающемуся „либеральному" движению среди мусульман (петиции, собрания, резолюции и пр.) разрешило Калькуттскому „пиру всех пиров" легально собирать налоги с его мюридов в Ферганской области. Его приезд каждый год с тех пор сопровождался дикими оргиями, обиранием населения и затем подарками ишана русской пограничной страже (см. журнал „Средняя Азия").

Царское правительство, сознавая силу влияния ишанов, готово было с ними расправиться, ибо всякое движение среди мусульман никогда не обходилось без их участия или влияния. Яркий пример — Минтюбинский ишан в восстании 1898 года. Но борьба за влияние на мусульман с Англией и боязнь влияния и силы ишанов останавливали его.

Все стороны жизни в эпоху упадка находились под влиянием ишанов, параллельно и наравне, а иногда преимущественно перед исламом. Примером могут служить „такия" ремесленников, во главе которого стоял „пир", „баба", „устад", т.-е. мастер, освященный в своем искусстве и власти. Эти „такия", под влиянием нового под'ема торговли, разрушились, и к концу XIX в. сохранялись еще „такия" мыловаров, маслобойщиков, конюхов и немногих других ремесл[1]). Но влияние „рисоля" ремесленников, т.-е. книжечки, содержащей в себе предание о данном ремесле и наставления ремесленнику, сохранилось до сих пор. Рисоля запугивают ремесленников на случай отступления от тех или иных правил, предписываемых ремесленнику. Напр., в рисоля земледельцев говорится, что тот, кто не имеет у себя рисоля, восстанет в день страшного суда с лицом свиньи и будет проклят всеми ангелами и святыми. Значение рисоля настолько велико, что экономист Г. Н. Шкалина придает им значение одной из основных причин развития кустарных промыслов[2]). В этом можно усумниться, но что в условиях капитализма рисоля являются одной из форм феодального закрепощения ремесленников и дехкан кулаку-баю — это несомненно.

Несомненно и то, что ишаны, календары, маддахи[3]) являются такой же феодальной формой закабаления дехкан. Таким образом, дехкан в кишлаке и городе, как и ремесленник, опутан очень густой паутиной феодальных пережитков идеологического и экономического порядка. Ни дехкан, ни ремесленник не могли быть в 1905 г. сколько-нибудь революционны, несмотря на свою крайнюю обездоленность, варварскую эксплоатацию, несмотря на большой кадр наемных земледельческих рабочих, ибо они зависели от бая, скупщика, комиссионера, ишана, календара и прочей братии.

---

1) Матер. по мусульманству, вып. I, стр. 33.

2) Статист. Ежегод., т. II, стр. 28—29.

3) Публичные рассказчики религиозных былей.

Эти же последние благоденствовали, благословляли судьбу, ибо в их карман в значительной части перепадали тарифные привилегии (4 руб. с пуда хлопка), поземельно-податные привилегии хлопководству и ж.-д. тарифа. Торговая буржуазия также заинтересована была в сохранении власти „белого царя", так как получала сравнительно с ханской властью гарантии неприкосновенности частной собственности.

Вот почему для туземцев осталось совершенно непонятным революционное движение России, а особенно забастовки.

Начальник г. Ташкента рассказывает в своем рапорте военному губернатору: „Происходившие в русской части г. Ташкента манифестации вызвали в туземцах испуг и недоумения, почему происходят беспорядки, сочувствия к ним не замечалось" [1]). Кое-где это отрицательное отношение к забастовкам грозило вылиться в погром железно-дорожников. Так, 26 ноября из Чиили была получена телеграмма, за подписью всех служащих и начальников на имя ж.-д. начальства и союза инженеров следующего содержания: „По рассказам вполне заслуживающих доверия киргиз, их выгоняют из аулов волостные управители и заставляют их собираться для насилия над железно-дорожными служащими, на что киргизы идут крайне неохотно [2])." От 25 ноября — о готовности киргиз напасть на железно-дорожников сообщает телеграмма Вайнарского и другая от служащих из Джусалы. Начальник управления ж. д. Вяземский распорядился 25/XI принять меры к охране жизни и казенного имущества от нападения киргиз [3]).

Если масса киргиз шла неохотно на погром, то волостные старшины, т.-е. манапы, очевидно, были настроены достаточно враждебно к железно-дорожникам, если даже предположить, что инициатива погрома исходила от участковых приставов.

Сахаров сообщает военному министру, как мотив для введения усиленной охраны в Перовском и Казалинском у. у., следующее: „...киргизы проявляют заметное недовольство остановкой товарного движения в такое время года, когда сбыт продуктов скотоводства дает ему главные средства для уплаты податей и для закупок предметов первой необходимости на зиму. Недовольство это, по полученным указаниям, выражается по отношению не к одним только жел.-дор. агентам, но и вообще ко всем русским, при чем в степи начинают проявляться признаки брожения и подстрекательства киргиз к неприязненным действиям против всего русского населения".

Во всяком случае чуткая к настроениям туземцев администрация за все время октябрьской и ноябрьской забастовки, во время волнений

---

[1]) С.-Дар. Обл. Прав., отд. расп., стол 1, д. № 13, 1905 г.
[2]) Фонд к. г.-г., д. № 18, лист 125, лист 127—8, лист 121—130.
[3]) Там же, л. 133—134.

в войсках, восстания в крепости в Ташкенте не наблюдала большого недовольства правительством со стороны туземцев. Больше того, администрация имела удовольствие по поводу манифеста 17 октября организовать патриотические манифестации мусульман и послать телеграммы с выражением верноподданических чувств от мусульман Асхабада и Самаркада [1]).

Лишь в г. Ст. Ташкенте с разрешения полицеймейстера г. Ташкента и военного губернатора состоялось 4 собрания (16 ноября и 15, 22 и 29 декабря) народных судей, кандидатов к ним и мусульманских ученых, считающих себя знатоками шариата. Эти собрания проходили под влиянием ген. Джурабека и одного крупного капиталиста Алиф-Ходжи-Азис-Ходжи. Кроме того, полицеймейстер пытается установить влияние интеллигентов и купцов из татар.

На этих собраниях, чрезвычайно бестолковых по описанию полицеймейстера, обсуждались вопросы упорядочения духовного управления по шариату, во главе с „валия" по выбору и с 4 учеными мусульманами, об отдельном городском самоуправлении, об отмене 64 ст. Полож. об Управ. Тур. Краем, о расширении прав (вернее восстановлении прежних) народных судей (казиев), о восстановлении вакуфов, упраздненных правительством. Все эти вопросы вызывали нескончаемые и беспорядочные споры между учеными, казиями и купцами. Такого же теплического характера движение наблюдала полиция и в других местах: в Казалинске и Перовске среди казак-киргиз, в Аулиэ-Ата среди кара-киргиз и в Джаркентском у. среди таранчи и татар.

В Перовске с.-дар. губернатора обеспокоила и заставила возбудить особую переписку петиция, поданная туземцами с разрешения у. начальника генерал-губернатору при его проезде через Перовск „по изъявлении согласия", полученного уездн. начальником от самого же ген.-губ-ра.

„В петиции этой" уездный начальник „не усматривал никаких противоправительственных желаний". Туземцы просили у. начальника „разрешить аульным обществам составить приговоры о сборе известной суммы денег населения на расходы по командированию в г. Ташкент уполномоченных для ходатайства перед ген.-губер. о возможно скорейшем осуществлении тех их просьб, выраженных в петиции, которые могут быть разрешены до собрания Гос. Думы".

Дело пустяковое даже с точки зрения уездного начальника, но петиция очень обеспокоила начальство, особенно в связи со сведениями из других мест, в частности из Казалинска.

В рапорте (копия) нач. Казал. у. Арзамасова от 14/I 1906 г. № 165 военному г-ру С.-Дар. области сообщается: киргизами в Казалинском

[1]) Там же, стр. 59 — 62, 65, 73.

уезде... „были получены письма от киргиз Тургайской области Иргизского уезда, адресованные на имя родичей киргиз Казалинского у., при чем этими письмами они приглашаются принять участие в с'езде мусульман, будто бы дозволенном правительством 21/I в Москве, но перенесенном на 15 января в Петербург по случаю московских беспорядков". На письма эти откликнулись и киргизы-родичи Казалинского у. с ишанами и ходжами. В заключение письмами предлагалось и киргизам Казалинского у. послать своих представителей на мусульманский с'езд, на что казалинские киргизы охотно согласились и послали от себя пять человек, в числе которых поехал один ишан и один ходжа с одним лицом, хорошо говорящим по-русски. Цель поездки родичей-киргиз, повидимому, заключается в представлении своих нужд высшему правительству и касается исключительно их экономического быта и неудовлетворительности народного суда, в особенности ишан и ходжи предполагают непременно участвовать в мусульманском с'езде для проведения как в народную жизнь киргиз, так и суд постановлений шариата. Подробности писем мне неизвестны, но по существу тургайские киргизы желают: „Закрепления за ними всех земель, занимаемых киргизским населением в настоящее время со всеми угодьями и доходными статьями; чтобы семейно-брачные дела были из'яты из ведения администрации и переданы народному суду, в котором все дела должны разбираться на основании шариата; свободного учреждения медрессе, мектабов, при мечетях которых должны быть школы для преподавания общеобразовательных наук на родном языке обучающихся и ходатайствовать об учреждении мухтиаров для киргизского населения".

В рапорте пристава Чимбайского уч. Аму-Дар. обл. также сообщалось, „что в участке появился какой-то ишан из Темирского или Казалинского у., который организовал сбор денег между киргизским населением для отправки депутации в г. С.-Петербург с просьбой о замене адата—шариатом". Произведенным обыском у Бектана Алиева найдены были и отобраны легальные и даже правительственные газеты „Ульфят" и „Турк. Мусульм. Газета", а также рукописные листки. В числе этих интересен листок, который начинается: „1891 г. от Азигирез, старшего муллы, сообщалось следующее: при высочайше православных состоялось совещание о том, что ответит его величество на будущем свете перед Иисусом, когда его спросят,—что он сделал на этом свете в пользу миссии"?.. Дальше идет изложение проекта мероприятий приведения всех мусульман в христианство путем открытия школ сначала с киргизским учителем, а затем с заменой его русским, школ для девочек и т. д. При чем для доказательства справедливости всего этого дается ссылка на „Московские Ведомости" от 11/IV—1902 г. и 12/IV за № 100 и 101, где подробно изложен весь этот план. (Ф. к. г.-г., д. 18, стр. 192—193). Этот последний документ говорит о том, что аги-

тация панисламистского характера существовала и до революции 1905 г. и велась она киргизской интеллигенцией, читающей русские газеты. Но документ этот устарел в 1905 г. и лежал у Бектана Алиева, как и другие бумажки, без дела.

В ноябре 1905 г. умер начальник края Тевяшев. Вновь назначенный ген.-губер. Субботич прежде всего в шифрованной телеграмме от 20/XII из Петербурга на имя Сахарова просит „настоять на энергичном ведении контр-пропаганды" (конт-революционной) среди иомудов, об усиленной революционной пропаганде среди которых он имеет точные сведения от кап. Иомудского, и во всем в коренном Туркестане (Ф. к. г.-г., д. 22, л. 10).

Поэтому с-дарьинский в. губернатор циркулярно (31/XII № 341) пишет начальникам всех уездов С.-Д. области: „Распространяющаяся деятельность революционных партий проникла в последнее время и в киргизскую степь. Полученные сведения указывают, что пропаганда агитаторов среди киргизского населения Тургайской, Оренбургской и Акмолинской обл. производит некоторое волнение умов темного, невежественного населения, не умеющего разобраться в правдивости и основательности высказываемых агитаторами положений. Революционные листки, со статьями зажигательного свойства, стали появляться уже и среди татарского населения северной части Сыр-Дарьинской области, и пропагандируемые в этих листках революционные идеи могут быть занесены к киргизам, вызвав среди них нежелательные явления. Прошу в. в. предложить участковым приставам вверенного вам уезда теперь же об'ехать все населенные пункты участков в целях обстоятельного исследования, как экономического положения населения, так равно и политического настроения его... Приставам надлежит, по возможности, ознакомить население с благодетельным актом дарования народу политической и проч. свобод и с притязаниями крайних партий, нарушающих мирное течение жизни и влекущих народ в дебри политической крайне сомнительной и явно преступной авантюры". „По получении.... донесения о замеченных волнениях, предлагаю вам немедленно командировать в данный район благонадежное лицо, владеющее туземным языком для нравственного воздействия на население и обстоятельного ознакомления его с несостоятельностью революционной пропаганды" (Ф. к. г. г., д. 22, л. 16).

В ответ на это предписание мы имеем целый ряд рапортов участковых приставов, где дается экономический и политический обзор положения киргиз. В рапорте № 1 от 1/III 1906 г. Казалинский уч. пристав Барановский представляет „политико-экономический обзор населения Казалинского участка", составленный на основании печатных источников (в частности использован Стрельбицкий) и лишь частично на основании своих наблюдений. Этот обзор, как и большинство других, не имеет большой цены, но в политическом обзоре пристав вновь рассказывает

историю с Питерской делегацией, несколько иначе ее освещая: „За последнее время,—пишет он,—появилось нечто похожее на брожение умов. Но это только показалось. В 48 номере „Турк. Туз. Газ." появилась выдержка из речи члена Гос. Сов. ген. Череванского, который, сказал, „что киргизы по своим религиозным понятиям, всего скорее шаманисты, но нисколько не мусульмане, хотя и числятся таковыми". Эта речь вызвала собрание киргиз, занявшееся вопросом, как поступить в данном, в высшей степени серьезном деле. Собрание было собрано киргизским духовенством, во главе с ишанами, в гор. Казалинске. Собрание это, руководствуясь высочайшим манифестом 17 октября 1905 г., наметило в главных чертах основные нужды населения, как религиозного, так и экономического характера, каковые нужды должны быть представлены высшему правительству через особых выборных, которых было решено немедленно отправить в Петербург. Нужды, о которых ходатайствуют киргизы, следующие: 1) свобода религии, свободное отправление религиозных догм, ритуалов и всего того, что является как прямое следствие религиозного верования; 2) наделение киргизского населения земельной собственностью; 3) право пользования без выбора промысловых свидетельств богатствами рек и озер (мелких и заливных, т.-е. временных); 4) уничтожение стеснительных правил относительно пастьбы скота в саксаульных зарослях; 5) назначение казиев для разбора семейных, брачных, наследственных и духовных дел по шариату. Депутация киргиз отправилась в Петербург для представления министру гр. Витте о своих нуждах, но эта попытка не увенчалась успехом. Депутаты, пробыв в Петербурге несколько дней, вернулись, не доложив представителю высшего правительства о своих нуждах. Судя по их рассказам, они даже не попытались добиться аудиэнции у гр. Витте, так как в Петербурге их убедили, что об этих своих нуждах они должны просить через свое начальство, чем были вполне удовлетворены".

Пристав считает, что революционного движения среди киргиз не может быть, т. к. „население только под русским подданством вздохнуло свободно и начало сознавать свои права и святость частной собственности" (Сыр-Дар. Обл. Прав. отд. распр., ст. 1, д. № 13 1905 г., л. 42). Все дело посылки делегации находилось „в руках ишанов, хаджей и родовичей Казалинского уезда", говорит уезд. начальник в рапорте от 19/II 1906 г. (№ 44). В числе делегатов поехал и очень влиятельный ишан Уран-Казанбеков. Устанавливая виновников этой затеи, уезд. нач. называет татар, в частности № 2 газ. „Фекир". Возвратившись домой, делегаты уверили уезд. начальника, что они в Питере не принимали никакого участия в каких-либо совещаниях собравшихся там на с'езд мусульман [1].

[1]) В действительности они, конечно, приняли участие во II Всероссийском мусульманском с'езде, который состоялся в Петербурге с 13 по 23 января ст. ст. 1906 года.

Как бы то ни было, как бы различно не освещали пристав и уездный начальник этот факт, он оставался упрямым фактом: родовичи, хаджи и ишаны—киргизы выразили свои нужды, и это было достаточно революционным выступлением на фоне молчания, покорности, забитости—в глазах администрации особенно.

В связи с подачей петиции в других местах это пугало администрацию.

Такого же рода „революционность" проявили манапы Аулиэ-Атинского уезда. Вот петиция на имя Витте, отправленная в январе 1906 г. от имени мусульманского населения Аулиэ-Атинского уезда: „Его сиятельству председателю министров, гр. Витте. Мусульманское население Аулиэ-Атинского у. Туркестанского края. Мы, мусульмане Аулиэ-Атинского уезда, собравшись в гор. Аулиэ-Ата и обсудив свои нужды, постановили довести до сведения в. сият. о следующих из них: 1) Даровать нам, мусульманам, выборное духовное правление с выборным же муфтием во главе, которому передать все духовные дела, как-то: устройство мечетей, медрессе, заведывание и контроль над вакуфами, назначение имамов и туземных учителей и всех друг. дел, касающихся мусульманской религии и образования. 2) Приостановить приток переселенцев и предоставить землю в полную собственность населения, чтобы оно могло по своему усмотрению пользоваться ею. 3) Снять с нас усиленную охрану и уравнять нас в правах с коренным русским населением империи, отменив все ограничительные меры для мусульман. 4) При созвании представителей в Гос. Думу число мусульманских представителей согласовать с численностью мусульманского населения, дабы интересы наши было бы кому возбуждать и отстаивать. 5) Разрешить мусульманам Российской империи приобретать недвижимую собственность в крае" (Фонд к.г.г., дело 18, л. 209).

Впоследствии пристав Горного участка Аулиэ-Атинского уезда, в рапорте (№ 25 от 20 февраля 1906 г.) начальнику уезда дает детальный анализ экономического положения кара-киргиз и русских переселенцев.

„Экономическое положение крестьян участка хорошее, а киргизского в большинстве лишь удовлетворительное, благодаря тем же киргизам (?), которые, как народ еще довольно дикий и занятый еще партийными распрями, являющимися следствием выборов, мало обращают внимания на свое экономическое благосостояние, не пекутся о своем скоте, а также и об устройстве своего жилья более удобно и обеспе-

---

Этот с'езд, как известно, принял „Устав Всероссийского Мусульманского Союза". Туркестанские делегаты принимали также участие и в I с'езде 15 августа 1905 г. в Н.-Новгороде на реке Оке на пароходе „Густав Струве". См. „Устав Всерос. Мус. Союза" 1906 г. типогр. Антокольск. С.П.Б.

ченно, как крестьяне, при чем последние, узнав хорошо киргизские привычки, их образ жизни, а также халатное отношение как к себе, так и к своему достоянию, пользуются этим и благодаря этому умножают свое благосостояние, заставив большую часть киргизского населения находиться в зависимости от крестьянина. Хотя киргиз, как и крестьянин, благодаря местным условиям, в Горном участке оба занимаются хлебопашеством преимущественно перед скотоводством, что можно усмотреть из прилагаемых при сем сведений[1]) (графа количества скота у киргиз, в сравнении с количеством юрт), запахивая в большом количестве земли, нахоящиеся в бессрочном пользовании у киргиз, но крестьянин перед пашней старается одолжить киргизу в зимнее время денег, хлеба, а часто и убойный скот (зимою у киргиз в большинстве скот выхудовывает, и для убоя становится негодным), по цене сходной для крестьянина, но во всяком случае не для киргиза, а затем входит с должником в товарищество по посевам на земле киргиза, уговорившись взыскать долг на току, по обмолоте хлеба, беря за долг зерно по цене, стоящей в то время низко, а потому киргиз уплатив своему товарищу-крестьянину долг, получает, если сеет пополам, то $^1/_3$ часть урожая, а если по $^1/_3$, то около $^1/_5$. Крестянин уберет хлеб в хорошо устроенный амбар, а киргиз, в большинстве случаев, зарывает хлеб в ямы; хлеб в ямах долго храниться не может, ибо задыхается от сырости, становясь затхлым, а потому киргиз старается скорее продать хлеб, при чем продает его в более дешевое время, во время сбора податей, т.-е. с сентября по конец декабря, а в феврале и в последующие месяцы до нового урожая покупает вдвое или даже и в два с половиною раза дороже; крестьянину этого делать не приходится, а потому он в большинстве выжидает хорошей цены, а потому и умножает свое благосостояние.

Количество пахотной земли у крестьян селений Горного участка в большинстве в настоящее время ограниченное, и крестьяне просят земли, ибо... селения... разрослись приростом населения... при чем крестьяне разбогатели, развели скот, некоторые пашут в 2—3 плуга, мало пашущих 1 плугом... Если бы крестьянам не удавалось пахать в товариществе с киргизами землю последних, то многие из них (крестьяне) давно бы пошли пахать „новые места"..., но в Горном участке, в виду услужливости киргиз и выгодных условий товарищества в пашне, которые сумел создать добродушный, хотя и хитрый хохол, а также непростоватый тамбовец, вряд ли скоро выкуришь кого-либо из селений Горного участка на новые участки, а жители селения более уповали на то, что им прирежут земли из соседних киргизских. В селениях Горного участка приходится на одну душу от 2 до 5 десятин... Первый

[1]) Детальные статистические данные, приложенные к докладу, составлены самим приставом (по его заявлению) лично.

год десятина дает урожая от 40 до 50 пудов, на второй до 30 пудов, а на 3-й год крестьяне пшеницу не сеют, а сеют овес, ибо земля не стоит обработки под этот злак. Сенокоса у крестьян очень ограниченное количество от $^1/_4$—$^1/_2$ десятины на душу, при чем в менонитских колониях Николайполь сенокоса совершенно нет,—как менониты, так и крестьяне прочих селений занимаются разведением клеверов. Сенокосов у киргиз крестьяне, за малым исключением, почти не арендуют, а покупают сено и клевер снопами, находя это для себя гораздо выгоднее; киргизы в большинстве случаев забирают деньги вперед в зимние месяцы, берут больше хлебом (пшеницу), при чем 100 снопов сена, приблизительно одноконный воз сена, обходится в 50 коп., а сто снопов клевера от 80 коп. до 1 руб. 20 к.

Часть селений, как теперь разжились скотом, снимают на лето ущелье в горах у киргиз, платя с головы скота от 50 коп. до 2-х руб., при чем сдается киргизам нерабочий скот, который пасется у киргиз с 1-х чисел мая по 1 число ноября.

В 1905 году урожай хлебов в участке, как у крестьян, так и у киргиз был хороший. В среднем десятина дала от 40 до 30 пудов. Киргизы преимущественно занимаются хлебопашеством, а скотоводство у них с каждым годом падает. Причины упадка скотоводства следующие. Скот у киргиз без пастухов... является помехой хлебопашеству, ибо травит хлеб, а потому киргиз, связавшийся в товарищество с крестьянином, боясь суда за потраву, должен кочевать в горы, но в горах во время пашен и первых всходов хлебов трава еще не настолько отрастает, а часто снег еще не стает, а потому корму для скота недостаточно, чтобы скот мог существовать, в особенности баран, у которого от очень молодой травы открывается понос, а потому киргизы, постепенно сокращают скотоводство. Много земель, ранее служивших хорошим убежищем скота, отошли в Мин. Гос. Имуществ и в них наложен запрет для пастьбы киргизского скота, при чем часть земель по Таласу отошла под сенокос крестьянских селений. Далее стеснение, которое делают об'ездчики, как Аулиэ-Атинского лесничества, так Намаганского и Ташкентского (в последних двух киргизы летуют), облагая кочующих... скотоводов поборами, не выдавая в большинстве случаев никаких квитанций плательщикам, на что жалуются все киргизы, за малым исключением. Куда поступают эти деньги, неизвестно; собирают с каждой юрты, кочующей на зимовке, от 80 коп. до 1 р. 20 коп., а на летовке от 1 руб. до 2 руб.; по 2 руб. в Ташкентском уезде; часто берут деньги в такой местности, в которой, по заявлению киргиз, ровно никаких лесных пород не произрастает, при чем, если киргиз от уплаты требуемой суммы откажется, то на него составляются протоколы в обвинении киргиз в порубке леса или в сборе незаконном, т. е. краже валежника, а также порче леса, часто доходящих до баснословных размеров, как

было в Ташкентском уезде в 1903 году, когда на киргиз... летующих на Ойгонне и Майдамтале в количестве 150 юрт было составлено более 100 протоколов, со штрафом чуть не в 3.000 слишком рублей... Киргизы в суд не поехали, ибо поездка в Ташкент 100 слишком человек за 280 верст стоила бы опять около 3.000 р. и более... (по случаю рождения наследника с киргиз потом сняли присужденный штраф).

По благосостоянию киргизы Горного участка могут быть подразделены на 3 категории: богатые, имеющие в среднем от 100 до 300 баранов (конечно, есть богачи, имеющие и более 500, но это единичные случаи), 20 — 30 лошадей, 15 — 20 голов рогатого скота; при наличном составе юртовладельцев 10.715 богатых насчитывается до 680 человек (это манапы); им вполне подчиняются люди среднего состояния, владеющие гораздо меньшим количеством скота, в количестве 8.314 юрт, а также совершенно ничего не имеющие—1.925 юрт, при чем последние находятся в услужении у богатых киргиз, а также у крестьян русских селений, при чем некоторые из крестьян держат по 2—3 работника, платя работнику годовых 30—60 р., иногда доходит до 80 руб.

Киргизами в аренду было сдано крестьянским селениям Горного участка в 1905 году 810 десятин, от 1½—3 руб. за казенную десятину, при этом, кроме этих 810 десятин, 10.551 десятина киргизских земель пахалась крестьянами в товариществе. Кроме того, киргизы сеют и самостоятельно—в 1905 году было посеяно около 22.480 десятин: киргизы имеют до 300 железных плугов, преимущественно пароконных, остальные юртовладельцы каждый имеет туземный плуг „омач", за исключением 1.925 юртовладельцев, служащих работниками.

В каждом селении Горного участка имеются базары; устройством в селениях базаров и их развитием устранено обстоятельство, заставлявшее ранее как крестьянина, так и кочевника отправляться на базар в г. Лулиэ-Ата, отстоящий от некоторых селений в 90 верстах и от мест кочевок до 250 верст".

В заключение своего рапорта, он пишет: „Брожения на почве политической в настоящее время, как в русском населении, так и в киргизском не замечается... Во время бывших беспорядков в Ташкенте, появились было агитаторы в селе Грозном; крестьяне стали было заявлять, что им нужна земля, что в противном случае не будут уплачивать податей за 1905 год..." (они скоро успокоились. Е. Ф.). „Что касается киргиз, то они смутно понимают, что происходит на Руси, — говорят, что идет какой-то „чатак" — спор, но спор этот киргиз нисколько не интересует; отправили было волостные управители, быв соблазнены переводчиками, петицию гр. Витте, но какую петицию, сами хорошо себе не усвоили, при чем довольны, что им ничего не влетело за их митинг, а когда услышали, что переводчиков сменили с должностей, то некоторые были этому обстоятельству очень рады, заявив, что пере-

водчиков „худа урды“ — бог побил... Главное обстоятельство, которое смущает киргиз — это поборы об'ездчиков. Главные нужды киргизского населения — это учреждение у них должности народных судей в каждом ауле, ибо настоящее положение, когда на волость 4 народных судьи, дает повод к постоянной партийной вражде и угнетению сильной партией меньшей“... (партийная вражда основана на родовой борьбе. Е. Ф.)

Вот еще черточка из отношений между русскими и киргизами из того же рапорта: „если киргиз надует крестьянина, то последний идет к управителю или биям (судьям Е. Ф.); те, не желая терять с крестьянином добрых отношений, стараются склонить стороны к миру, при чем если к миру не придут, то обращаются к мировому судье, при чем свидетелями часто являются сами же киргизы со стороны крестьянина и помогают ему выиграть дело в суде“ (Сыр.-Дар. Обл. Правл. отд. расп. ст. 1. д. 13 — 1905 г., л. 44 — 67). Словом, здесь закабаление системой кредитования („бунак“) нисколько не меньше, чем в хлопковом районе.

Вместо религиозных предрассудков, от которых киргиз более свободен, выступают на сцену родовые пережитки, организация суда, лесооб'езчики и др. формы внеэкономической эксплоатации, „революционность“ же крестьян и манапов, т.-е. русских и киргизских кулаков, нисколько не выше революционности узбекской буржуазии.

Такого же рода „брожение умов“ отмечено среди тарачинцев Джаркентского уезда.

Военный губернатор Семиреченской области от 15 апреля 1906 г. пишет генерал-губернатору: „Башкир Тамергалин, взяв на себя роль толкователя высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., поселил вражду между таранчами, татарами и сартами Джаркентской (Таранчинской) волости. Основанием для вражды послужило то, что Тамергалин советовал немедленно воспользоваться всеми обещанными в манифесте свободами и высказывал необходимость собрания сходок для обсуждения политических и религиозных вопросов, при чем внушил местному мулле, что в Джаркенте необходим муфтий, и что если он и общество присоединится к его мнению и подаст надлежащую петицию, то он, мулла, может быть назначен муфтием. Это возбудило в мулле честолюбивые замыслы, и к нему примкнули татары и сарты, которые начали враждебно относиться к таранчам, не разделявшим мнения о необходимости учреждения в должности муфтия и в особенности назначения на эту должность муллы, как человека, не соответствующего таковой должности по своему развитию... По собранным о Тамергалине сведениям оказывается, что он действительно имел намерение устраивать собрания мусульман, а когда эти собрания не были разрешены в виду об'явления о введении в гор. Джаркенте положения об усиленной охране, то собирал у себя на квартире тайные сходки небольшими группами мусульман, преимущественно молодежи“ (Фонд к. г.-г. д. № 31, л. 1—2).

Как сообщает телеграмма Джаркентского уездного начальника военному губернатору от 14 апреля, сторонник Тамергалина „таранчинец Сакиев по неблагонадежности был выслан управителем, место причисления — Хоргос. Вчера явился туда Тамергалин: об'явил старшине, что никто не имеет права задержать Сакиева в Хоргосе, увез Сакиева в Джаркент" (Ф. к. г.-г., д. № 31, л. 5).

Конечно, оба они, и Сакиев и Тамергалин, были высланы. Тем дело и кончилось.

Для исчерпывающего освещения „революционного движения", среди туземцев Туркестана в 1905 г. необходимо еще отметить, действительно ли велась пропаганда среди иомудов.

Начальник Закаспийской области от 9 февраля 1906 г. за № 330 секретным рапортом сообщил, что согласно телеграммы генерал-лейтенанта Сахарова за № 768 — 1905 года, им были командированы представители власти для выяснения, во-первых, насколько верны сведения о распространении пропаганды среди иомудов и, во-вторых, для принятия соответственных мер, как по преследованию агитаторов, так и по нравственному воздействию на туземное население. Совершив об'езды районов, посланные донесли, что в общем среди иомуд никакой агитации не велось.

„Рабочие на нефтяных промыслах, — сообщал один из осведомителей, — числом до 160 человек, из коих $^2/_3$ персы и туркмены и $^1/_3$ русских, живут мирно, тихо и не пред'являют к владельцам скопом каких-либо требований, а также среди них агитаторы не появлялись. Рабочие эти, имея сношения с Баку, осведомлены о политическом движении в России, но, находясь в хороших материальных условиях, боятся потерять их и ведут себя безупречно. Туземное население также спокойно; никакой пропаганды среди него не производилось; носятся лишь слухи, что будто бы с 1906 года будет уменьшена подать до 3 рублей с кибитки".

В одном из официальных донесений далее указывалось, что „среди иомудов циркулирует рассказ, неизвестно кем измышленный, что якобы от какого-то большого племени „мужик", живущего в России, явились депутаты к брату белого царя и заявили, что они недовольны правительством и требовали другого правительства с участием представителей от них, но брат белого царя прогнал их и послал войска наказать их, и что теперь в России идет война царских войск с „мужиком". Рассказывают также, что в начале января прошел слух с Гюргена, что иомуды, проживающие в пределах Персии, получили приказ от японского царя, что все иомуды, как персидские, так и наши, присоединяются к японской империи и должны подати платить не белому царю, а японскому.

Старшина № 2 аула Атабаевского общества доложил, что когда он в конце декабря сдавал податные деньги в Красноводском казначей-

стве, то к нему подошел какой-то человек и убеждал не сдавать податей в казну, говоря, что подати уже отменены и население не должно платить никаких податей.

По заявлению подполковника Агабекова, „престиж русской власти и доверие к могуществу России в посещенных им районах стоит на такой же высоте, как и раньше, и имя белого царя произносится по-прежнему с величайшим благоговением. Отголосками происходящих за последние месяцы смут и забастовок в России и в крае оказались циркулирующие среди туземцев слухи, что железнодорожное сообщение прекратилось вследствие недовольства служащих размером получаемого ими содержания, почему все служащие дороги прекратили работу и обратились к царю с просьбой увеличить им содержание".

Единственно, на что натолкнулся подполковник Агабеков, это—незначительная и неимеющая значения и последствий агитация против уплаты частью гокланского и нухурского населения, проживающего по Сумбару вверх от Каракала, ссуды, выданной от казны пшеницею и деньгами, по случаю голодовки прошлых лет; вследствие беспорядков в России, мол, очень возможно, что скоро начальство и не станет требовать возврата ссуды.

Конечно, „всюду раз'яснено населению, как оно должно относиться к разного рода слухам, рассказам и действиям агитаторов и что оно должно получать всякие правительственные распоряжения только от своей администрации и никого другого не слушать". Из того же источника узнаем, что „были попытки со стороны отдельных личностей армян к осторожному распространению среди текинцев смутного положения в России и причин последнего вызвавших, но туркмены к этому отнеслись не только с недоверием, но даже с пренебрежением". Подписали: Геп.-майор Коссаговский. Правитель канцелярии полковник Стржалковский (Ф. К. г.-г., дело № 22, л. 18—19).

Конечно, нельзя было ожидать встретить агитатора или „подозрительных лиц мусульман, коих можно было бы заподозрить в пропаганде": агитаторы если и были среди туркмен, то из среды тех же туркмен. Вполне ясно также, что лучшей агитационной формой, приспособленной самими туркменами к родовому и племенному быту и воззрениям, является рассказ о войне между племенем „мужик" и войсками белого царя и рассказы об уплате податей японскому царю. Такими путями, преломляясь в рассказы о борьбе племени „мужик", шло влияние русской революции 1905 г. на восточные трудящиеся массы, в степи и горы, в аулы и кишлаки.

Какую же роль играли туркестанские социал-демократические организации в этом пробуждающемся демократическом движении Средней Азии? Как проводили пункт, принятой на II с'езде программы о „праве само-

определения за всеми нациями, входящими в состав государства?" Какую роль играли мелко-буржуазные социалисты?

Туркестанская организация с.-д. настолько была слаба силами, настолько была в руках меньшевиков, что, вполне понятным становится полное игнорирование туземцев в работе партии. На словах, в резолюции I Турк. с.-д. конференции, в январе 1906 года, об этой работе говорилось достаточно ясно. В извещении о I Туркестанской конференции читаем: „Конференции пришлось относительно дольше остановиться на вопросе о постановке работы среди туземного населения. Согласно резолюции, конференция предлагает всем товарищам на местах обратить особенное внимание на туземный пролетариат, вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию, как словесную, так и путем листков, а также и пропаганду, разумеется, где найдутся подходящие к тому условия". Но на деле ровным счетом ничего не было сделано. Ни одной с.-д. прокламации, ни одной попытки установить связи с туземцами не было. Это вполне в духе меньшевиков, которые исповедывали лозунг Мартова „развязать революцию" на теоретическом принципе „организации—процесса", и с полным отрицанием большевистского лозунга „организовать революцию". Резолюции I-й Туркестанской конференции выносились под влиянием революционного размаха рабочего движения, восстаний солдат, под влиянием революционных рабочих-делегатов конференции, но резолюции оставались словами, прикрывающими только меньшевистскую пассивность. Лидер туркестанских с.-д.—Зурабов говорил, если правильно передает это т. Дворянов (см. его воспоминания),—„не лезьте в деревню,—там место эсэрам".

И эсэры шли в деревню. Но делали это так, как может делать мелко-буржуазная партия, несмотря на свои фразы о „полном и безусловном признании прав на национальное самоопределение"[1]). Эсэры шли в русские деревни и требовали земли для русского колонизатора-крестьянина за счет киргиза. Еще на собрании интеллигенции и рабочих в Татьянин день (12 января) в 1905 году, организованном при участии с.-д., видимо для осуществления новоискровского плана „земской кампании", между другими ораторами рабочими и интеллигентами выступил О. А. Шкапский. Его речь достойна внимания. Он говорил о „о том бюрократическом произволе, от которого не свободен Туркестанский край". Высшее правительство (т.-е. Мин. Земл., иначе говоря помещики.—Е. Ф.),—заявил Шкапский,—уже давно признало и признает необходимым колонизовать Туркестанский край русскими крестьянами, но всегда встречало в этом препятствие со стороны местной власти, которая отстаивает больше интересы туземцев, чем русских людей и вообще недружелюбно относится к переселенцам".

[1]) „Рев. Россия" № 18, „Национальное порабощение и революционный социализм". См. Ленин, соб. соч., т. 4, стр. 241.

Шкапский приводит пример: губернатор Семиреченской обл. Ионов, „проезжая по области, усмотрел хороший кусок, тысяч в 20 десятин, земли, пригодной для русского поселения, и, недолго думая, отдает приказ уездному начальнику приказать киргизам составить приговоры о том, что земли эти они добровольно уступают для русского поселения, но когда киргизы, несмотря на административное давление, отказались от уступки этой земли, так как имели на ней до 800 десятин запашки, ценной для киргиз, то с ними не стали церемониться, а губ-р приказал снять план и испросить высочайшее разрешение об из'ятии ее из пользования киргиз для русского поселения. Но не думайте, что для русских крестьян,—нет, для семиреченских казаков, которые живут господами.... Земля была записана в войсковые угодия, а казаки отдают ее в аренды тем же киргизам, у которых она была отобрана, и получают по $1^1/_2$ тысячи рублей арендной платы в год“ [1]).

Весь вопрос для Шкапского, видите, в том, что не крестьянам, а казакам отдали киргизскую землю. Шкапский не был членом партии с.-р., но был определенным народником. Его переселенческая партия в Семиречье, работавшая в 1905 г., состояла из таких эсэров, как Рума [2]), Якушев [3]) и друг. Сам Шкапский в эсэровских кругах считался своим. Вот почему представляют интерес его столкновения с ген.-губ. по вопросу о переселенческом землеустройстве. В этом деле Шкапский и его сотрудники эсэры об'ективно заняли позиции защитников интересов не крестьянина, а русского помещика, который хотел разрядить надвигавшуюся аграрную революцию, удовлетворив жажду земли у крестьян киргизскими землями в Туркестане, а туркестанский ген.-губерн. попал в защитники интересов киргиз, оберегая спокойствие Туркестана в интересах текстильной промышленности.

Такого рода решения аграрного вопроса, которые хотел осуществить Шкапский, получили вполне ясную оценку со стороны большевиков, в частности тов. Ленина.

В 1907 гов. Ленин писал: „Разумеется, было бы в корне ошибочно считать эти земли (необ'ятное количество земель... в России, окраинные земли, хозяйственное значение которых так мало исследовано) в настоящее время и в настоящем их виде пригодными для удовлетворения земельной нужды русского крестьянина. Все расчеты подобного

---

[1]) Сообщение нач. города Ташкента г.-губерн. Тевяшеву от 13 января 1905 г., Фонд к. г.-г., дело № 4, л. 2—5.

[2]) По отзыву Оренбургского жандармского управления, неблагонадежен (до приезда в Туркестан), впоследствии Рума – организатор и руководитель эсэровской группы в г. Альма-Ата.

[3]) Сидел в Ташкентской тюрьме в 1907 и след. годах под фамилией Курского. Носил клички — Марк, Лука. Эсэр-максималист.

рода, нередко делаемые реакционными писателями, не имеют никакой научной ценности".

Словом, использование окраинных земель, лесовых степей, свободных от туземного населения, для колонизации—тов. Ленин считал невозможным при данном состоянии производительных сил, без „освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве" [1]). Этого не понимали, над этим не задумывались эсэры в 1905 г. и, ничто же сумняшеся, переносили борьбу за землю крестьянина против помещика в Туркестан, в плоскость борьбы крестьян-переселенцев за киргизскую землю. Это была определенно контр-революционная работа эсэров в Туркестане.

С прибытием переселенческой партии, под руководством О. А. Шкапского, работа эсэров приняла более широкий размах. Чувствуя за собой поддержку мин. земл., Шкапский очень решительно требует отпустить для его партии 50 берданок и 15.000 боевых патронов, т.-к., видите ли, партии приходится работать в течение 5—6 месяцев в степях и горных местностях, среди киргизского населения, немогущего относиться к работам вполне спокойно, ибо работы партии должны повести к из'ятию из пользования киргиз более или менее значительных участков для русского населения [2]).

Генерал-губ., конечно, наотрез отказал выдать оружие и вместе с тем сейчас же принял меры к тому, чтобы обуздать Шкапского. Он пишет военному губ. Ионову: „Шкапский не имеет права в официальном представлении предрешать вопрос о том, что работы партии должны повести к из'ятию обследовательных земель из пользования туземного населения, каковой вопрос высочайше предоставлен компетенции высшей в крае власти".

Вместе с тем ген.-губ. сейчас же пользуется политической неблагонадежностью чиновника переселенческой партии Рума и предлагает Ионову выяснить политическую благонадежность всех членов партии.

В полную ярость пришел ген.-губ. Тевяшев, когда получил рапорт Шкапского. Резолюции этого царька в Туркестане и рапорт Шкапского настолько хорошо оттеняют борьбу Туркестанской администрации с министерством земледелия, что мы позволим привести эту часть рапорта.

---

[1]) Там же, стр. 471. Эта статья тов. Ленина имеет несомненное значение для разрешения вопроса о том, как пойдет аграрная революция в Туркестане. Сравни т. Г. Сафарова, обвинявшего в своей книге „Проблемы Востока" тов. И. Севастьянова—в „Струвизме" за его приверженность к „упланду" (высший сорт хлопка), стр. 178—179.

[2]) Ф. к г.-г., дело № 21, л. 4 (отношение Шкапского от 8 августа 1905 г. за № 174).

„Необходимость ускорения работ партии обусловливается, во-1-х, тем, что постигший часть Европейской России неурожай должен вызвать усиленное переселенческое движение, а во-2-х, и потому еще, что и на месте, в Пишпекском уезде, сильно обострился аграрный вопрос. Масса крестьян переселенцев (более 1.000 семейств) ждет с нетерпением образования переселенческих участков. Ожидание это в настоящее время крайне стеснено отказами со стороны киргизских воротил, манапов, сдавать землю в аренду на краткие сроки. Отказы эти вызваны всецело административными распоряжениями.

„Предшественник в. п. ген. лейт. Иванов, желая остановить переселенческое движение, 7 апреля 1901 г., за № 3.184 приказал, чтобы уездные и участковые начальники приняли самые решительные меры к самовольно водворяющимся на киргизских землях переселенцам, чтобы в Семиреченской области не возникало самовольнических поселений. Исполняя это требование воен. губернатор области 2 мая 1901 г. за № 186 отдал приказ, согласно которому предлагалось не допускать водворения переселенцев на арендованных землях до тех пор, пока они не причислятся к какому-либо обществу. Когда же в 1902 г. 45 крестьян взяли в аренду у киргиз Алемединской области 16 дес., то приговор волостного с'езда по журналу Семиреч. обл. прав. от 4 февраля 1903 г. за № 16, не был утвержден, между прочим, потому, что по приказу за № 186 киргизам разрешено сдавать землю только тем русским, которые „уже причислены к существующим селениям области". Однако, эти меры нисколько не повлияли на сокращение переселенческого движения, и для выдворения крестьян с арендованных ими земель помощник Пишпек. уезд. начальника выдергивал произведенные ими насаждения (см. рапорт Пишпекского уезд. нач. от 1903 г. за № 3.080), а затем многие киргизы подвергнуты были штрафу или аресту за сдачу земель в аренду. Так, по постановлению уезд. нач. от 9-го июля, 7, 8, 15-го августа 1903 г. за №№ 258, 313, 318 и 329—15 киргиз были оштрафованы на 15 руб. каждый, 2 арестованы на 5 суток и 16 человек туземной администрации и народные судьи были арестованы на 7 суток [1]).

„Гонение на крестьян поселило в их умах представление о том, что русская администрация не желает помочь им устроиться, а отсюда и недоверие к ней. Наказания же, налагавшиеся на киргиз, побудили их составлять волостные приговора о прекращении сдавать землю в аренду. Однако эти приговора явились обязательными лишь для большинства киргиз. Воротилы же, манапы, продолжали сдавать землю в аренду, но повысили арендные цены и, кроме арендной платы, требовали с крестьян различную работу. Ныне, с началом работ партии,

1) Читатель видит, какими решительными мерами администрация защищала интересы киргиз даже против самих киргиз. Дело ясное: за интересами киргиз скрывалось спокойствие края, необходимое русской текстильной промышленности.

манапы, боясь, что аренды будут служить доказательством излишка земли, и что с отводом земель переселенцам они лишатся незаконных источников дохода, решили вовсе прекратить сдачу земель в аренду. Это решение ставит крестьян в крайне затруднительное положение и может повести к самым нежелательным осложнениям.

„Для устранения такого положения я, 9 сего августа за № 176, вошел в Департамен Государ. Зем. Имуществ с представлением разрешить мне для 2-х самовольческих селений сохранить за ними на 3-летний срок арендованные ими земли в количестве до 2.500 дес., при чем пользование это должно быть на арендном праве, плата должна быть определена по средней за последние 3 года и не должна выдаваться на руки манапам, а итти на образование киргизских общественных капиталов. Такая решительная мера побудит киргиз сдавать землю остальным крестьянам, чем и устранится современная острота аграрного вопроса.

„Считаю необходимым доложить в. в., что 29 ноября 1904 г. за № 21, я, в письме на имя управляющего канцелярией в. в., указывал на необходимость впредь до образования переселенческих участков устранить существующие стеснения в годичной аренде земли, но с насильственным, до некоторой степени, устройством краткосрочных аренд является необходимым совершенно прекратить аренды, на основании ст. 126 Степ. Пол., т. к. такие аренды, заключаемые киргизами, по большей части с частными лицами и с зажиточными крестьянами на долгий срок, будут препятствовать образованию переселенческих участков. Когда на очереди стоит вопрос об устройстве массы крестьян, является безусловно необходимым пожертвовать интересами отдельных лиц и лишить их возможности богатеть в то время, когда земля нужна для массы крестьян. О прекращении таких аренд мною возбуждено ходатайство перед Семиреч. Обл. Правлением.

„Одновременное существование аренд для богатых и прекращение их для бедных представляется таким положением, которое не отвечает целям колонизации русским элементом Средней Азии.

„Докладывая о вышеизложенном в. в., я питаю твердую уверенность, что в. в. в интересах успокоения массы крестьян, проживающих в Пишпекском уезде, с своей стороны, не встретите препятствий к принятию мною решительных мер для временного устройства крестьян на арендованных ими землях и будете настойчиво требовать увеличения партии в целях ускорения ее работ“ (Фонд к. г.-г., д. № 21).

Интересно, что после ареста чиновников перес. партии Л. Н. Рума, его жены Е. И. Рума, И. А. Якушева, А. К. Фон-Шееле, А. А. Димо, Г. С. Буханцева, Ф. Ф. Парахина и Г. С. Михайлова, с прокламациями у некоторых из них, Кутлер в декабре 1905 г. защищает перед Субботичем Шкапского и, в ответ на сообщение о найденных при обыске

прокламациях, настаивает на передаче дела суду (от 22/XII за № 905 и от 31/XII за № 5654, фонд к. г.-г., д. № 21, лист 93—95).

Мы не берем на себя здесь задачи проследить последовательно развитие туземного национально-освободительного движения в Туркестане, не задаемся мы также целью дать обзор переселенческой политики самодержавного правительства.

Скажем лишь, что переселение русских крестьян продолжалось после официального запрета в 1901 г., потому что министерство земледелия продолжало направлять крестьян в Туркестан, несмотря на этот запрет, через свои переселенские организации (отличавшиеся всегда некоторым либерализмом и „революционностью" по составу своих сотрудников). Так, 5 сентября 1905 г. г.-губернатор Тевяшев командировал чиновн. особ. поруч. Остен-Дризена в Закаспийскую область для обследования революционного движения в области [1]), который в своем письме писал следующее: „В Туркестанском крае не имеется свободных земель для новых поселков, между тем наплыв сюда переселенцев из внутренних губерний не прекращается, и, несмотря на категорическое запрещение, мин. вн. дел выдает разрешение новым переселенцам. Таковые разрешения даются, между прочим, чиновником по переселенческим делам в Баку".

Что касается описаного языком архива „брожения умов" туземного населения в Туркестане в 1905 г., то это было первым откликом на революционные события 1905 г. в России. Но буржуазия—манапы, ишаны, хаджи, баи прижали хвост, смирились, как только получили небольшой окрик от начальства. Слишком прочные нити связывали их с русской администрацией, чтобы они могли пренебрегать мнением участковых приставов, уездных начальников, губернаторов и прочей публики. К тому же памятно было усмирение после 1898 года. Масса мелкой буржуазии на первых порах лишь наблюдала события в России, мало понимая их. Социал-демократы ничего не сделали, чтобы разъяснить им эти события. Но со второй половины 1906 г. под руководством татар начинает развиваться движение, „джадидизма", т.-е борьбы за новометодную школу. Проповедь джадидизма шла и ранее, до революции 1905 года, но тогда не имела отклика среди туземцев. 14 июня 1906 г. вышел № 1 газеты „Теракки" под редакцией Изм. Шерафут-Габитова. Язык этой газеты по преимуществу татарский, с большим количеством арабских и турецких слов, но и с приспособлением к узбекскому языку (так приблизительно характеризовал переводчик канцелярии ген.-губ. эту газету). Газета выпустила 17 №№ и четыре раза была привлечена к ответственности (за №№ 1, 3, 16 и 17). Но эти несколько номеров, несомненно, сыграли крупную роль в агитации

[1]) Доклад Остен-Дризена опубликован в книге А. Мелькумова. Матер. революц. движения в Туркмении, стр. 11—20.

джадидизма. Джадидизм захватил мелко-буржуазные слои, часть интеллигенции. Он подвергался систематическому гонению со стороны охранного отделения, организованного в Туркестане с начала 1907 года. Обзор этого движения по архивным материалам мы дадим в другой раз. Несомненно, что джадидизм являлся прогрессивным движением торговой буржуазии, тех ее слоев, которые связаны были торговлей с Европейской Россией, но революционным пантюркизмом или панисламизмом ему не суждено было стать: в революции 1917 года пантюркизм Туркестана встал на сторону Временного Правительства; он не пошел тем путем союза с большевизмом, как силой, разрушающей русскую порабощающую государственность, как это сделали кавказские пантюркисты. Во время восстания туземных масс в 1916 году ему также не пришлось сыграть руководящей и организующей силы. Связь туземной буржуазии—баев, манапов—с администрацией была настолько сильна, что клерикальная партия „Джимгариуатэ Улема", победив на выборах в Ташк. Гор. Думу в 1917 году, выставляла кандидатом в гор. головы одного из бывших администраторов Лыкошина.

Если крупная буржуазия, как миллионер Алиф Ходжа и др., и попытались было заявить желания о свободе религии, об отмене 64 ст. Положения об Управ. Турк. краем, о введении суда на основах шариата и проч., то и мелкая буржуазия—манапы, баи, ишаны и ходжи были не прочь получить то же самое. Но и те и другие не оказались способными бороться и остаивать эти требования.

Беднота—чайрикеры, мардекеры, батраки-киргизы, ремесленники города не могли идти дальше буржуазии. Они слишком были запуганы, слишком закабалены своему баю или манапу родовичу.

Городского туземного промышленного пролетариата в полном смысле этого слова в Туркестане не было. Были лишь наемные рабочие в кустарных предприятиях, но они закабалены были не менее земледельца и самого ремесленика.

В 1905 году в Туркестане не было той социальной силы среди коренного населения, которая могла бы развить толчок, полученный революцией 1905 года.